

Юлия Леонидовна Шапич

Московский государственный университет имени М.В.
Ломоносова
Филологический факультет
Российский центр науки и культуры «Русский дом»
julija.sapic@gmail.com

УДК 811.161.1'374
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2023.27.1.9>

Оригиналан научни рад
примљено 1.4.2023.
прихваћено за штампу 9.06.2023.

О РОЛИ ПОЛЬЗОВАТЕЛЯ В ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОМ ИСТОЧНИКЕ*

В работе рассматривается роль будущего пользователя нового большого сербско-русского словаря, над созданием которого работает коллектив участников проекта по сопоставительной лексикологии сербского и русского языков.

В связи с возросшим объемом межкультурной коммуникации потенциальными пользователями будущего словаря представляются носители русскоязычной и сербскоязычной культуры с широким кругом интересов. Ориентация на будущего читателя (пользователя, коммуниканта) является определяющей не только при осмыслении формальных характеристик словаря на уровне макро- и микроструктуры, она учитывается также при разработке самой концепции и содержания словарной статьи, в процессе сопоставления эквивалентов и их сопровождения иллюстративным материалом. Показано, каким образом трудности составления переводного двуязычного словаря отражают трудности межкультурной коммуникации в целом. Кроме традиционно выделяемых проблем семантизации безэквивалентной лексики и репрезентации фразеологии особое внимание посвящается проблемам межъязыкового сопоставления лексики эквивалентной, характеризующейся стилистическими, функциональными, сочетаемостными и другими расхождениями на синтагматическом уровне. Значение теоретико-стратегических вопросов представляется существенным, так как неполная или неверная репрезентация вокабулы составителем может привести к неверной ее интерпретации пользователем. Коммуникативная и культурологическая составляющая лексем-вокабул словаря (иллюстративные примеры, пометы, перекрестные ссылки и др.) поможет предотвратить или минимизировать число потенциальных коммуникативных неудач.

Ключевые слова: лексикография, сопоставительная лексикология, сербско-русский словарь, пользователь, семантика, лексика, эквивалентность.

This paper examines the role of the potential user of the new large Serbian-Russian dictionary, on the compilation of which a team of researchers – members of the project on comparative lexicology of the Serbian and Russian languages – are working.

Due to the increased volume of intercultural communication, we see potential users as speakers of Russian and Serbian-speaking cultures with a wide range of interests. Orientation to the future reader (user, communicant) is crucial not only when conceiving the formal characteristics of the dictionary at the macro- and microstructure levels, it is also taken into account when developing the concept and content of the dictionary entry itself, in the process of comparing equivalents and accompanying them with

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23–28–00126, <https://rscf.ru/project/23–28–00126/>.

illustrative material. The difficulties of compiling a translated bilingual dictionary reflect the difficulties of intercultural communication in general. Along with the traditionally foregrounded problems of semanticizing the non-equivalent lexemes and representing phraseology, the issues of comparing the equivalent lexemes, which show a number of stylistic, functional, combinational and other differences at the syntagmatic interlingual level, also stand out. The importance of theoretical-strategic issues seems important, since incomplete or unsuccessful representation of vocabularies by the compiler can lead to an incorrect interpretation by the user of the dictionary. The communicative and culturological component of vocabulary representation (verbal illustrations, notes, cross-references, etc.) will help minimize the number of potential communicative failures.

Keywords: lexicography, comparative lexicology, Serbian-Russian dictionary, user, semantics, vocabulary, equivalence.

В лингвистике XXI века – как в теоретических, так и в прикладных аспектах – отчетливо обозначилась антропоцентрическая парадигма. В центре внимания науки оказался человек – наблюдатель, адресат, субъект обучения. Эта тенденция не могла обойти стороной и область лексикографии, где так же, хотя и не всегда отчетливо, обозначилась фигура пользователя – читателя, коммуниканта, носителя одной из культур.

Идея об ориентации на субъект (обучения) и носителя определенной культуры наиболее ярко обозначилась в работах, посвященных методике обучения иностранному языку (Пассов, Кузовлева 2010), и в том же аспекте она рассматривалась в лексикографии – в основном, учебной (Морковкин, Кочнева 1992; Максимчук 2014 и др.).² Однако обилие лексикографической продукции и ее разнообразие (словари сочетаемости, учебные, ассоциативные, идеографические...) свидетельствуют о высоком спросе на словари и о прагматической нацеленности лексикографии на современного пользователя. Таким образом, современный тренд развития общества, с одной стороны, и антропоцентричная парадигма лингвистических исследований, с другой, диктуют новые задачи оптимизации и адаптации источников к потребностям настоящего и будущего читателя.

1. О пользователе нового сербско-русского словаря

Эта нелегкая задача встала перед научным коллективом, работающим над созданием современного большого сербско-русского словаря, который в рамках своей главной цели ставит задачу обеспечить живое межкультурное общение представителям сербско-русского билингвизма в современном окружении, помочь коммуникантам преодолеть потенциальные трудности и избежать коммуникативных конфликтов в межъязыковых контактах.

Двуязычный переводной словарь подразумевает параллельное обращение к двум языкам и двум культурам, при последовательном сопоставлении которых отчетливо проявляется анизоморфизм двух языковых систем. Сам

² Идея заключается в повышении педагогического потенциала словаря как учебного пособия, например, в снабжении словаря упражнениями в соответствии с методическими рекомендациями и методическими программами для определенного возраста или контингента учащихся.

жанр переводного двуязычного словаря (отсутствие толкований) подразумевает семантизацию слов с помощью эквивалентов. Знаменитый лингвист Л.В. Щерба считал это «жанровым недостатком» такого источника, видя его предназначение лишь для начинающих изучать язык (полагая, что «всякий опытный педагог советует своим ученикам как можно скорее переходить к одноязычным толковым словарям») (Щерба 1974: 306)). Автор *Сербскохорватско-русского словаря* (СХРС) И.И. Толстой предназначает словарь русскому читателю, переводчику текста общего содержания, а также студенту – как вспомогательное средство для изучения сербскохорватского языка (Толстой 1970: 5–7). Несколько иначе видит пользователей *Русско-сербского словаря* Боголюб Станкович – это уже «широкий круг носителей русско-сербского и сербско-русского двуязычия – переводчиков, научных работников, преподавателей, студентов и др.» (Станковић 1998: 6).

Таким образом, в лексикографии проявляются две разнонаправленные тенденции – индивидуализация и адаптация материала к потребностям конкретных целевых групп, с одной стороны, а с другой – стремление ко всеобъемлестности, связанное с охватом всех сфер межкультурного общения (еще один парадокс, который продолжает список уже описанных Н.Ю. Шведовой лексикографических парадоксов (Шведова 2005)). Вот почему целевой аудиторией пользователей словаря представляются различные носители обеих лингвокультур – как русскоязычной, так и сербскоязычной, с широкой сферой интересов и потребностей, включая потребность в активном общении. Несмотря на то, что достижение данной цели сопряжено с целым рядом трудностей, многие из которых не имеют ясного методологического решения (скажем, отражение дивергентных отношений при представлении многозначных слов, фиксация метафорических значений, стилистические и контекстные ограничения), составители намерены сосредоточить усилия, привлечь необходимые знания и использовать уже достигнутые в науке результаты для того, чтобы заданная цель носила не только декларативный характер.

2. Трудности межкультурной коммуникации

Взаимодействие двух лингвокультур затрагивает весь комплекс проблем межкультурной коммуникации, касающихся не только лексикографии. В их числе в первую очередь традиционно выделяется (1) проблема семантизации безэквивалентной лексики, связанная с отсутствием культурных реалий и несовпадением семантических матриц, а также с уникальностью единиц национальных фразеологических фондов. Однако межъязыковые контакты доказывают, что куда более «коварными» могут быть (2) функциональные и стилистические несоответствия среди лексики «эквивалентной», особенно межъязыковые омонимы и паронимы (см., например, в: Шапич 2022), обусловленные различными культурно-историческими различиями, расхождениями на уровне коннотаций и ассоциаций и т.п. К этому можно добавить, что словарь традиционно воспринимается как эталон лексико-грамматиче-

ской информации, в связи с чем не на последнем месте ставится вопрос (3) о взаимоотношении двух метаязыков, двух традиций классификации грамматических категорий, двух систем языковых регистров и стилей и т.п. Рассмотрим подробнее первые две проблемы.

2.1 Безэквивалентная лексика и фразеология

Словник будущего словаря в перспективе может составить около 100 000 слов, что почти вдвое превосходит по объему СХРС (54000 слов). Это значит, что в нем будет охвачен широкий круг периферийной лексики, содержащей большее число безэквивалентных слов, чем в СХРС. Примером безэквивалентной лексики являются, например, *врнчаница* – ремешок на верхней стороне *опанка*; верхняя часть *опанка* (из ремешков); а также *врнчати* – переплести верхнюю сторону *опанка*. Денотаты данных лексем относятся к культурным артефактам, и семантизация перечисленных вокабул вынужденно опирается на толкование, причем в самом толковании фигурирует еще одно безэквивалентное слово *опанак* – вид национальной обуви (в СХРС как эквивалент на русском языке (далее РЯ) приводится *опанок*). Толкования, пометы и ссылки в подобных случаях необходимы для адекватного восприятия (и использования) пользователем данного слова.

Среди безэквивалентной лексики встречаются единицы, денотаты которых не относятся к культурным артефактам. Так, например, *врбонуц* – букв. ‘время цветения почек’ – не имеет формального соответствия в РЯ. Слово зафиксировано и в СХРС, где с учетом различных потребностей потенциального переводчика удачно предлагается два соответствия: нейтральное, обобщенное – *ранняя весна*, и этимологически близкое, более образное, приведенное выше.

Хорошо известны трудности сопоставления и перевода фразеологии, впитавшей богатство традиций и составляющей культурный код нации. Так, *као Божић и Бадњи дан* (букв.) как Рождество и Сочельник; всегда вместе, неразлучны’ на РЯ может иметь разные эквиваленты с разными семантическими ограничениями. Скажем, *шерочка с машерочкой*, в силу этимологии, отсылает к денотату (эталону) женского пола, внося дополнительный уменьшительно-уничижительный нюанс через диминутивные суффиксы; ограничения имеют и выражения *два сапога пара, одной масти, птицы одного поля* и т.п. Вариант *не разлей вода* кажется наиболее близким эквивалентом, но подобрать фразеологический эквивалент получается далеко не всегда.

Отдельной трудностью как для составителя, так и для его будущего коммуниканта – пользователя словаря – выступают фразеологические сравнения, по типу «прилаг. / глагол + као ‘как’ + эталон», которыми изобилует сербский язык. Например, *смрди као вуга* букв. ‘воняет как ремез (синица); ужасно воняет’ не имеет прямого фразеологического соответствия в РЯ. В связи с тем, что частотность таких сравнений в сербском языке (далее СЯ) высока, стоит задуматься о системном решении при отображении таких единиц.

2.2 Различие в функциональности «эквивалентных» слов

2.2.1 Лингвокультурологический аспект

Различия в функциональности так называемых эквивалентных слов задают немало проблем – как в зоне толкования словарной статьи, так и в зоне иллюстрации. Скажем, вокабула *воевода* при внешнем сходстве несет на себе огромный пласт культурно-исторической информации. Приведем толкование из РСЖ целиком.

војвода **1.** онај који предводи војску, заповедник војске, војсковођа. **2.** ист. **а.** административни или војни старешина веће области, покрајине у нашим средњовековним државама; старешина, поглавар кнежине, нахије или племена у Црној Гори и Херцеговини за време турске власти; старешина кнежине, нахије у Србији за време Првог српског устанка. **б.** турски срески поглавар у Београдском пашалуку **в.** титула поглавара српске аутономне области Војводине у бившој Аустроугарској. **3.** ист. највиши војнички чин у некадашњој српској и црногорској војсци и у југословенској војсци пре Другог светског рата: ~ Путник, ~ Степа Степановић. **4.** ист. вођа комита, устанички четовођа; у Другом светском рату највиши чин у четничким формацијама. **5.** племићка титула чланова владарских породица у неким земљама. **6.** етн. један од сватовских часника (обично младожењин зет), који иде за сватовском поворком и прима дарове за младу. • **велики** ~ ист. главни војни заповедник у некадашњој Србији и Црној Гори

Перед составителями словаря встает выбор: а) сохранение структуры многозначности и крен в сторону энциклопедичности, б) изменение структуры в соответствии с эквивалентами на РЯ (по возможности, с компенсацией примерами в зоне иллюстрации), а также в) сознательный отказ от детализации – расчет на контекст, эрудицию, отсылка пользователя к энциклопедиям. Обобщение значений и соотношение с переводными эквивалентами РЯ дает структуру из четырех значений: *1. управляющий административной территорией, губернатор, 2. воевода; начальник, предводитель; 3. воевода (о титуле), герцог, 4. особый участник свадебной церемонии.* Ни одно из предложенных решений (а, б, в) не является идеальным, однако второе (б) представляется наиболее оптимальным.

2.2.2 Внимание к сочетаемости и сопоставление структур многозначности

О различной функциональности слова может свидетельствовать его способность вступать в синтагматические связи, не совпадающие у слов, традиционно считающихся эквивалентными. Так, например, эквиваленты *вртети* – *вертеть* образуют схожие синтагматические связи, о чем свидетельствуют их инструментальные дополнения в обоих языках *главом* ‘головой’ и *репом* ‘хвостом’. Между тем в РСЯ (РСЖ) выделено также значение *вртети плећима* ‘вертеть плечами’, не типичное для РЯ. В другом примере,

со словом *вртоглав* ‘головокружительный’, в словосочетаниях и на РЯ, и на СЯ оказываются *высота, гонки, скорость, успех, взлет, падение* и др., однако нетипичным для РЯ является подзначение *који има вртоглавицу*, т.е. **головокружительный человек*. Подобная ошибка может быть допущена пользователем и при попытке сконструировать синтагму на СЯ. Так, одно из подзначений лексем *вро* (*ж. врла, ср. врло*) – *који је високог квалитета, квалитетан, прворазредан* может спровоцировать нетипичный пример на СЯ: **врло вино*. Во избежание этого целесообразно введение дополнительных обозначений – *о човеке, о вине* и т.п.

Отражение расхождений в области сочетаемости в иллюстративной части словарной статьи снижает шанс пользователя допустить ошибку. При этом примеры должны обеспечивать как можно более четкое представление о значении – к слову *врскав* в РСЯ актуальна иллюстрация *врскав звук*, что не проясняет характеристику прилагательного *врскав*, т.к. звук – весьма широкое понятие (какой это звук? что может являться его источником?); см. также примеры с семантически ненаполненными лексемами *свойство, характеристика* и др. Важным является и относительная типичность и коммуникативная оправданность примеров. Так, к прилагательному *бечки* ‘венский’ в РСЯ приводится пример *бечки транспорт*, тогда как типичными были бы примеры с культурно значимыми словами *бечки вальс, бечки штрудель* и т.д.

Межязыковые несоответствия и предпочтения одного из языков в области сочетаемости говорят о различиях более глубокого характера – семантических структурах многозначных слов. В связи с комплексностью данной темы, здесь лишь упомянем асимметрию структур значений РЯ и СЯ на примере наречной частицы *баш*:

баш 1. *за истицање неке речи, израза или реченице, управо.* – Она баш ништа не ради. Баш је будала. Баш добро што си дошао. Баш ти хвала. **2.** *за исказивање истовремености: управо, таман.* – Било је то баш на Божић. Баш се спремам да појем. **3. а.** (уз негацију) *за ублажавање, ограничавање исказа: не нарочито.* – Није баш лепа. Неће бити баш тако. Није му било баш драго. **б.** *за одбијање, неслагање са нечим.* – Е баш да ти не дам тај новац. **в.** *са ироничним значењем.* – Баш он зна! **г.** (са везн. да) *за истицање допуштања нечега као могућег иако се очекује супротно: макар, чак.* – Ићи ћу на такмичење баш и да нећу успети. (РСЈ)

Семантизация подзначений лексем *баш* на РЯ была бы приблизительно такой (с долей обобщения): 1. *именно, 2. как раз (по времени), 3. а. (с отрицанием) не слишком, не особо, 3. б. а вот и не..., как бы не так!, 3. в. (с иронией): как же! 3. г. хоть и не, даже если не...* Однако перевод иллюстративных примеров к выделенным значениям доказывает, что структура значений в РЯ дифференцирована сильнее. Пример к знач. 1: *Она баш ништа не ради!* на РЯ соответствует *Она совсем ничего не делает!* (в структуру подзначений необходимо добавить эквивалент *совсем*); *Баш добро што си дошао!* – *Очень (как) хорошо, что ты пришел!* (нужно добавить эквивалент *очень* или *как*). Что касается примеров *Баш ти хвала!* – *Большое тебе спа-*

сибо! и *Баш си будала!* – Ты полный (совсем) дурак; ну ты и дурак!, здесь появляется грамматическая категория прилагательных *большой, полный* в функции усиления значения (посредством значений увеличения и наполнения) или сочетание: *Ну (кто-л.) и...!* В СХРС введены также эквиваленты *действительно* и *в самом деле*. Неоднозначность решения данной сложности остается открытой: с одной стороны, множественность вариантов делает структуру статьи громоздкой и усложняет выбор, а с другой – упрощение обедняет выбор и ведет к интерференции.

Структура многозначности в толковом и переводном словаре отличаются кардинально, и в данном случае стандартным и целесообразным решением является структурирование РЯ в соответствии с матрицей СЯ. Однако переселение значений из одной матрицы в другую вызывает множество «неудобств», сравнимых с попыткой переставить предметы из одного шкафа в другой, полки которого отличаются по форме, размеру и т.д.

2.2.3 Внимание к структурным различиям (на примере глаголов движения)

Коммуникативно значимым представляется учет уже известных структурных различий РЯ и СЯ. К ним относится, например, система глаголов движения, делимая на глаголы посредственного (на транспорте) и непосредственного (пешком), однонаправленного и разнонаправленного движения, – более разветвленная в РЯ по сравнению с СЯ. Оптимальное представление данной системы включает палитру глаголов, значимых для пользователя. К примеру, вокабула *вући* представлена в СХРС эквивалентом *тащить*, однако пользователю может понадобиться также глагол *таскать*, например, для перевода фразы: *Као мали смо вукли у школу пун ранац књига* ‘в детстве мы таскали в школу полный рюкзак книг’ (пример наш). Иллюстрации употребления глаголов движения должны содержать либо контекст, либо варианты перевода (в случае необходимости): например, *вратоломно летети* в иллюстрации РСЯ к слову *вратоломно* может содержать и *лететь*, и *летать*.

3. Вместо заключения

Итак, забота о пользователе и потребность коммуникации с читателем посредством словаря, продиктованная временем и научной парадигмой, указывает на тесную связь семантики и прагматики, делая переводной двуязычный словарь активным средством межкультурного общения. При составлении словаря особое внимание следует посвятить лексике с высокой степенью эквивалентности, а именно – ее функциональному и культурному наполнению. Межъязыковые различия проявляются в синтагматической сочетаемости, которая в ряде случаев может спровоцировать неверное восприятие (представление) и употребление слова на иностранном языке.

Оформление и содержание словарной статьи должно обеспечить информацию для живого, практического (если слово таковое в языке-источнике) и адекватного ситуации использования того или иного слова и по возможности предотвратить потенциальные коммуникативные ошибки.

Использованная литература

- Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е издание, исправленное и дополненное. Т. I. Москва: Школа «Языки русской культуры»; Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
- [Apresian, Ÿ. D. Izbrannye trudy. Leksicheskaia semantika (sinonimicheskie sredstva iazyka). 2-e izdanie, ispravlennoe i dopolneno. T. I. Moskva: Shkola «Iazyki russkoj kul'tury»; Izdatel'skaia firma «Vostochnaia literatura» RAN, 1995]
- Максимчук, Н.А. «Учебный ономастический словарь в аспекте межкультурной коммуникации». Проблемы истории, филологии, культуры 2014: 303–305.
- [Maksimchuk, N.A. «Uchebnyĭ onomasticheskiĭ slovar' v aspekte mezhkul'turnoj kommunikatsii». Problemy istorii, filologii, kul'tury 2014: 303–305]
- Морковкин, В.В., Е.М. Кочнева. «Ориентация на пользователя как доминанта учебной лексикографии.» EURALEX's Proceedings I–II: 81–87.
- [Morkovkin, V.V., E.M. Kochneva. «Orientatsiia na pol'zovatel'ia kak dominanta uchebnoĭ leksikografii». EURALEX's Proceedings I–II: 81–87]
- Пассов, Е.И., Н.Е. Кузовлева. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования: методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. Москва: Русский язык. Курсы, 2010.
- [Passov, E. I., N. E. Kuzovleva. Osnovy kommunikativnoĭ teorii i tekhnologii inoiazychnogo obrazovaniia: metodicheskoe posobie dlia prepodavatelei russkogo iazyka kak inostrannogo. Moskva: Russkii iazyk. Kursy, 2010]
- РСР: Станковић, Богољуб (ур.) Руско-српски речник. 2. изд. Нови Сад – Москва: Будућност – Матица српска – Русский язык, 1998.
- [Stankovic, Bogoljub (ur.) Rusko-srpski rečnik. 2. izd. Novi Sad – Moskva: Buducnost – Matica srpska – Russkii iazyk, 1998]
- РСЯ: «Речник српскога језика» (ур. Милица Вујанић и др.). Нови Сад: Матица српска, 2011.
- [«Rečnik srpskoga jezika». (ur. Milica Vujanic i dr.) Novi Sad: Matica srpska, 2011]
- СХРС: Толстой, И.И. Сербскохорватско-русский словарь. 3 изд. Москва: Советская энциклопедия, 1970.
- [Tolstoĭ, I. I. Serbskokhorvatsko-russkii slovar'. 3 izd. Moskva: Sovetskaia entsiklopediia, 1970]
- Шапич, Ю.Л. «О деструктивном влиянии лингвистической интерференции при переводе рассказов А.П. Чехова на сербский язык». Вестник Московского Университета. Серия 22. Теория перевода. 2022. № 3: 78–92.
- [Shapich, Ÿ.L. «O destruktivnom vliianii lingvisticheskoĭ interferentsii pri perevode rasskazov A.P. Chekhova na serbskii iazyk». Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriiā 22. Teoriiā perevoda. 2022. № 3. 78–92]
- Шведова, Н.Ю. «Парадоксы словарной статьи». [В:] Н.Ю. Шведова. Русский язык: избранные работы. Москва, 2005. 420–424.
- [Shvedova, N.Ÿ. «Paradoksy slovarnoĭ stat'ii». [V:] N.Ÿ. Shvedova. Russkii iazyk: izbrannye raboty. Moskva, 2005. 420–424.

Щерба, Л.В. «Опыт общей теории лексикографии». [В:] Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. Москва, 1974. 265–304.
 [Shcherba, L.V. «Opyt obshchei teorii leksikografii». [V:] L.V. Shcherba. Ĭazykovaia sistema i rechevaia deiatel'nost'. Moskva, 1974. 265–304]

Јулија Л. Шапић

О УЛОЗИ КОРИСНИКА У ЛЕКСИКОГРАФСКОМ ИЗВОРУ

Резиме

У раду се разматрају питања релације речничке грађе и потреба будућег корисника у оквиру стратегије припреме новог великог српско-руског речника. Двојезични речник се припрема у оквиру пројекта научног истраживања упоредне лексикологије српског и руског језика на којем је ангажован и аутор овог чланка.

Потреба за израдом савременог речника који би могао да задовољи захтеве корисника не само са руског, већ и са српског говорног подручја створила се као одговор на пораст међујезичке и међукултурне комуникације између говорника руског и српског језика, са једне стране, и недостатка савремене лексикографске свеобухватне грађе, са друге. Значај поређења лексичких система двају словенских језика за лингвистичку науку се не мора посебно наглашавати, а улога будућег корисника је у том поређењу од велике важности у складу са антропоцентричном научном парадигмом двадесет првог века.

Оријентисаност грађе на будућег читаоца (корисника, комуниканта, адресата) прожима све нивое лексикографске припреме материјала. Поред стандардних инструмената посредне комуникације са корисником као што су граматичке, стилистичке и друге ознаке, које се тичу микроструктуре чланка, у раду се у том светлу разматра и сама концепција и садржај речничког чланка, а посебна пажња се посвећује функционалности преводних еквивалената која долази до изражаја код поређења међујезичке и унутарјезичке синтагматике (већином кроз илустративни материјал).

У раду се детаљније разматрају начини семантизације нееквивалентне лексике (*опанак*, *вбропуц* и др.) и фразеологије. Посебна пажња се посвећује лексиси са високим степеном еквивалентности чија синтагматска анализа крије међујезичке разлике на функционалном, стилистичком или асоцијативно-конотативном нивоу. Структура многозначних речи изворног језика се прилагођава окружењу језика на који се преводи. Код навођења еквивалената на руском језику тежи се да се узме у обзир све оно што је лингвистици већ познато о структурним разликама двају језика: на пример, разгранат систем глагола кретања у руском језику (*вући – тащить, таскать*). Као што показује зона илустрације одредница, обрада лексичке семантике се не може разматрати изоловано од синтаксе и прагматике.

Питања о начину обраде савремене српске речничке грађе са аспекта прилагођавања широким потребама савременог корисника су од суштинске важности код стварања речника као корпуса и темеља за међукултурну комуникацију, јер њена неактивна, непотпуна или неадекватна репрезентација аутоматски доводи до неадекватне интерпретације код корисника и опасности од комуникативних неуспеха.

Кључне речи: лексикографија, упоредна лексикологија, српско-руски речник, корисник, лексичка семантика, лексика, еквивалент.